

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Пессимизм в языческом Риме

Опубликовано:

Христианское чтение. 1899. № 10. С. 609-620.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Пессимизмъ въ языческомъ Римѣ.

ВЪ СУЖДЕНІЯХЪ древнихъ римлянъ о человѣческой жизни, на протяженіи всего историческаго существованія Рима, можно наблюдать два направленія, представляющія какъ бы два теченія въ его духовной жизни. Эти теченія, на языкѣ новѣйшихъ поколѣній носящія названіе оптимизма и пессимизма, въ жизни римлянъ, какъ и въ жизни другихъ культурныхъ народовъ, нерѣдко сближались между собою, взаимно умѣряя и сглаживая свои крайности, хотя своей особености никогда вполнѣ не теряли. Первое изъ нихъ выразилось у римлянъ гораздо слабѣе, чѣмъ второе. Менѣе рѣзко выразилось оно у римлянъ и по сравненію съ наиболѣе близко связанными съ ними въ культурномъ отношеніи, обычно жизнерадостными, греками.

Развитію въ Римѣ возрѣній съ пессимистическимъ характеромъ содѣйствовали историческія условія и обстоятельства существованія римскаго государства. Римляне въ продолженіе весьма долгаго времени вели, отчасти по необходимости, продолжительныя и упорныя войны съ сосѣдними племенами и другими народами, угрожавшими существованію римскаго государства или стѣснявшими расширеніе его власти. Къ внѣшнимъ войнамъ прибавились потомъ внутреннія усобицы и разныя обнаруженія соперничества и борьбы партій съ обычными при этомъ проявленіями нерѣдко самыхъ низкихъ стремленій человѣческой природы. Эти войны соединенными съ ними тревогами и всякими тяжкими утратами не могли благоприятствовать возникновенію и развитію у римлянъ спокойнаго, свѣтлаго и жизнерадостнаго настроенія, также какъ и нѣкоторыя созданныя ими учрежденія, вліявшія на народныя нравы

огрубляющимъ образомъ. Серьезныя, требующія постоянной бдительности, жизненныя задачи, которыя указывались римлянамъ условіями и обстоятельствами ихъ историческаго существованія и въ зависимости отъ которыхъ сложился и всегда такъ отличавшій римлянъ ихъ особо серьезный характеръ, скорѣе должны были располагать ихъ къ иному настроенію.

Слѣды пессимизма довольно ясно стали обнаруживаться уже съ раннихъ лѣтъ существованія Рима въ воззрѣніяхъ на прошлое время. Раздѣляя почти общую, какъ кажется, склонность людей, особенно пожившихъ, оглядываться на давно минувшее съ особеннымъ удовольствіемъ и видѣть въ немъ лучшее, сравнительно съ настоящимъ, древніе римляне любили возвращаться своею мыслию къ этому прошлому, именно къ италійской и древнеримской старинѣ. Соединивъ въ одномъ общемъ представленіи черты идеально хорошаго — на римскій взглядъ — времени и отодвигая его къ мифическому періоду царствованія Сатурна въ Италіи, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ первобытнаго преданія о жизни первыхъ людей, римляне считали эту пору въ жизни людей самую лучшую или — какъ они выражались — золотымъ вѣкомъ челоуѣчества, и этому періоду обычно противопоставляли, какъ худшее, всякое послѣдующее время. Мысль о постепенномъ, съ теченіемъ времени, ухудшеніи во внутреннемъ состояніи людей и во внѣшнихъ условіяхъ ихъ существованія особенно рельефно отразилась въ представленіи о періодахъ, которые пережило челоуѣчество.

Нѣкоторыя черты такого представленія находимъ у *Виргилія* ¹⁾ и *Тибулла* ²⁾, которые вѣку Сатурна противопоставляли вѣкъ Юпитера. Гораздо полнѣе это представленіе выражено *Овидіемъ*, отчасти заимствовавшимъ отдѣльныя краски своей картины, какъ думаютъ, у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые раньше его останавливались на этомъ предметѣ и къ которымъ, кромѣ *Виргилія* и *Тибулла*, принадлежалъ *Гезіодъ*, принимавшій пять вѣковъ: золотой, серебряный, мѣдный, неимѣющій названія и желѣзный, и *Аратъ*, признававшій три вѣка: золотой, серебряный и мѣдный. *Овидійъ* въ своихъ «Превращеніяхъ» говорилъ прежде всего о бывшемъ раньше другихъ «золотомъ вѣкѣ, который уважалъ честность

¹⁾ *Virg. Georg. I, 125 ss; cf. Aen. VIII, 319 ss., Bucol. 4, 6 ss.*

²⁾ *Tibull. Eleg. I, 3. 35 ss.*

и правду не изъ боязни кары и закона, но по доброй волѣ, и въ которомъ еще неизвѣстны были ни наказаніе, ни страхъ предъ нимъ, еще не читались грозныя слова закона на мѣдныхъ доскахъ, умоляющая толпа не стояла со страхомъ предъ лицомъ своего судьи, и всѣ безъ судьи были въ безопасности», и неизвѣстны были ни войны, ни путешествія за море, и земля, не нуждаясь въ приложеніи къ ней рукъ человѣческихъ, сама приносила все нужное и пріятное для людей ¹⁾). Затѣмъ поэтъ изображалъ «худшее золотого серебряное поколѣніе», появившееся послѣ низверженія Сатурна въ Тартаръ и послѣ перехода власти надъ міромъ къ Юпитеру, когда Юпитеръ ограничилъ продолжительность прежней вѣчной весны, раздѣливъ годъ на четыре части, когда появились и жары и холода, и людямъ пришлось взяться за земледѣльческій трудъ ²⁾). Дальше очерчивалось явившееся на смѣну второго третье «мѣдное поколѣніе», которое по своимъ природнымъ духовнымъ свойствамъ было грубѣе, болѣе склонно къ войнамъ, хотя и не было преступнымъ ³⁾). Наконецъ, шла рѣчь о послѣднемъ поколѣніи, происшедшемъ «изъ крѣпкаго желѣза». «Въ этотъ вѣкъ худшей руды вторглись всякія беззаконія; стыдъ, правда и вѣрность исчезли; ихъ мѣсто заняли обманы, коварство, козни, насиліе и преступная корысть.. Землю, которая прежде была общою, подобно солнечному свѣту или воздуху, сталъ теперъ земледѣръ длинною межою тщательно дѣлить на участки. И не однихъ лишь жатвъ и пищи, какъ это подобало, требовали теперъ отъ богатой земли, но проникли въ ея нѣдра, стали выкапывать сокровища, этихъ подстрекателей къ злу, которыя скрыты были землей и удалены къ стигійскимъ тѣнямъ. Уже вышло наружу губительное желѣзо и еще болѣе вредное золото; появляется война, которая ведется съ помощью того и другого и которая окровавленную рукою сотрясаеть гремящее оружіе. Живутъ награбленнымъ; ни гостепріимный хозяинъ не безопасенъ отъ гостя, ни тестъ отъ зятя; рѣдка пріязнь и между братьями. Мужъ угрожаетъ гибелью женѣ, а та — мужу; страшныя мачихи готовятъ питье съ желтоватымъ аконитомъ для своихъ пасынковъ; сынъ раньше времени разузнаеть о годахъ, которые осталось жить его отцу.

¹⁾ *Ovid. Metam. I, 89 ss; conf. Amor. III, 8, 35 ss; Fast. I, 235 ss.*

²⁾ *Metam. I, 113 ss.*

³⁾ *Metam. I, 125 ss.*

Благочестіе попрано, и, наконецъ, послѣ всѣхъ боговъ покинула обогрѣнную кровью землю и богиня справедливости, дѣвственная Астрея» ¹⁾). Эта принимаемая поэтомъ градація поколѣній ясно показываетъ взглядъ его на послѣдовательное сравнительное ухудшеніе ихъ.

Съ изложеннымъ воззрѣніемъ нѣсколько соприкасается въ одной своей части тотъ взглядъ на жизнь человѣческихъ обществъ, который основывается на сравненіи этой жизни съ существованіемъ отдѣльнаго человѣка. Такой взглядъ изъ древнихъ латинскихъ авторовъ развитъ былъ Флоромъ въ примѣненіи къ римскому народу. Названный писатель, подраздѣляя все время существованія римскаго народа на четыре періода, въ соотвѣтствіи четырьмя возрастамъ человѣческой жизни: дѣтскому, юношескому, зрѣлому и старческому, очевидно полагалъ, что свое историческое существованіе римскій народъ долженъ былъ завершить, какъ бы по нѣкоторому необходимому закону, сходному съ закономъ жизни отдѣльнаго человѣка, періодомъ совершеннаго упадка, и не допускалъ мысли, что римскій народъ, какъ и всякій другой народъ, можетъ продолжать свое существованіе, не имѣя въ перспективѣ необходимости видѣть приближеніе своего конца. На возникновеніе такого представленія повидимому не остался безъ вліянія, кромѣ естественно являющейся у человѣка мысли объ аналогіи между жизнью отдѣльнаго человѣка и жизнью народа, и нѣсколько мрачный взглядъ названнаго писателя на ближайшее будущее Рима. Думать такъ располагаетъ самъ Флоръ тою характеристикою, которую даетъ онъ времени имперіи послѣ Августа ²⁾). Такие же періоды различалъ еще раньше Сенека риторъ ³⁾).

Вліяніе и обнаруженіе того же преобладающаго направленія мысли римлянъ можно усматривать во многихъ отдѣльныхъ заявленіяхъ римлянъ по поводу нѣкоторыхъ нововведеній въ римской жизни, нарушавшихъ добрую старожитность. Такія

¹⁾ *Metam.* I, 127 — 150; сравн. дал. Еще см. *Fast.* I, 193 слл., особ. 195—196.

²⁾ Вотъ слова Флора: „Отъ цезаря Августа до нашего времени не много меньше двухъ сотъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, вслѣдствіе бездѣтельности цезарей, народъ римскій какъ бы состарился и утратилъ силы, и лишь въ правленіе Траяна онъ расправилъ свои руки и, вопреки предположенію всѣхъ, старая имперія опять помолодѣла, какъ будто ей возвращена была юность“. *Flor.*, *Hist. Rom.*, I, prol.

³⁾ См. *Lact. Inst. D.*, VII, 15 и срав. *Bähr, Gesch. d. R. L.*, I⁴, § 12.

заявленія принадлежали римлянамъ, хотѣвшимъ оставаться вѣрными стариннымъ преданіямъ, очевидно потому, что эти римляне не видѣли въ томъ новомъ, которымъ замѣнялось старое, ничего хорошаго. Припомнимъ хотя бы отношеніе властныхъ и вліятельныхъ защитниковъ римской старины къ новому явленію въ жизни ихъ родины, представителями котораго были риторы и философы, ихъ недовольство существованіемъ въ Римѣ указаннаго новаго элемента и мѣры къ удаленію его отсюда ¹⁾. И Катонъ, внушая своему сыну, что «хорошій человѣкъ владѣетъ словомъ», очевидно хочетъ этимъ сказать, что добропорядочный въ нравственномъ отношеніи человѣкъ не имѣетъ надобности въ чужеземномъ искусствѣ, научающемъ умѣнью говорить, какова греческая риторика. Припомнимъ и вообще склонность римлянъ стараго направленія къ старинной простой жизни, чуждой позднѣйшихъ утонченностей. Это направленіе мысли, являвшееся протестомъ противъ позднѣйшихъ отступленій отъ старины, отчетливо выразилось въ томъ Катоновомъ *carmen de moribus*, откуда взята только что приведенная сентенція и гдѣ названный римлянинъ излагалъ свои наблюденія надъ старинной, столь нравившейся ему, жизнью вмѣстѣ съ своими моральными наставленіями въ духъ староримскихъ преданій. Слова Катона о томъ, что прежде за лошадей платили дороже, чѣмъ за поваровъ, что поэты были въ старину не въ чести и что занимавшихся поэзіею и выступавшихъ съ поэтическими произведеніями на пирахъ называли тогда бродягами и т. д., довольно ясно показываютъ, что въ намѣчаемыхъ имъ позднѣйшихъ отступленіяхъ отъ старинныхъ порядковъ и обычаевъ римскихъ онъ не усматривалъ чего-либо хорошаго. Тоже недовольство настоящимъ наблюдаемъ, напримѣръ, у раба—педагога Лида, выведеннаго Плавтомъ въ *Bacchides*, защитника старинной строгости воспитанія, на смѣну которой явилась потомъ мягкость и уступчивость, повлекшая за собою — по мнѣнію этого педагога — развращеніе юнаго поколѣнія ²⁾. Не внѣ связи съ пессимизмомъ возникло вѣроятно и Лукреціево увлеченіе доктриной Эпикура. По крайней мѣрѣ относительно Лукреція существуетъ мнѣніе, что названный римскій дидак-

¹⁾ *Sueton*, *De rhetoribus*, 1.

²⁾ *Plaut*. *Bacchid.* III, 3, 16 ss. (420 ss).

тический поэтъ пришелъ къ взглядамъ, выраженнымъ въ поэмѣ *De rerum natura*, именно подъ вліяніемъ тѣхъ оставленныхъ въ немъ римскою жизнію впечатлѣній, которыя поколебали его вѣру въ божественное міроуправленіе ¹⁾, т. е., послѣ разочарованія въ томъ, во что вѣрила масса его соотечественниковъ. Въ самой поэмѣ Лукреція довольно ясно сказалась пессимистическая мысль о томъ, что на землѣ обнаруживаются слѣды упадка и что «все идетъ къ могилѣ» ²⁾.

Далѣе, у Публилія Сира, среди разсыпанныхъ въ его мимахъ многочисленныхъ сентенцій, есть весьма не мало такихъ, въ которыхъ довольно ясно проглядываетъ воззрѣніе, окрашенное пессимизмомъ. Въ одной изъ такого рода сентенцій раскрывается лицемѣріе людей на слѣдующемъ конкретномъ примѣрѣ: «Плачь наслѣдника есть замаскированный смѣхъ» ³⁾. По взгляду, выражаемому въ другой сентенціи, люди до такой степени склонны къ обманамъ, что приходится недоувѣрять даже друзьямъ: «При отношеніяхъ къ другу имѣй въ виду, что онъ легко можетъ превратиться въ недруга» ⁴⁾. Проскользнуло въ этихъ сентенціяхъ и столь нерѣдко встрѣчающееся у древнихъ писателей выраженіе недоувѣрія къ женской правдивости и искренности ⁵⁾. «Женщины» — говорится въ одной сентенціи — «пріучились плакать лживо» ⁶⁾. Попадаютъ въ сентенціяхъ и другія пессимистическія обобщенія,

¹⁾ *Ribbeck*, *Gesch. d. Röm. Dichtung* I, 273.

²⁾ *Lucr.*, *De rer. nat.*, II, 1144 ss.

³⁾ *Gell.* XVII, 14, *Macr.* II, 7.

⁴⁾ *Gell.* XVII, 14, *Macr.* II, 7.

⁵⁾ Указываемое, безспорно важное, явленіе не имѣетъ впрочемъ того широкаго значенія, какое легко можно усвоить ему, если не обращать вниманія на то, кто эти древніе писатели и кого имѣли они въ виду, когда выражали свои наблюденія надъ женщинами. Эти писатели принадлежали къ числу римлянъ, знавшихъ женщинъ главнымъ образомъ по представительницамъ ихъ изъ римскаго полусвѣта, и женщины, о которыхъ они говорили, въ совершенно исключительной степени отличались легкомысліемъ и свободою нравовъ. Имѣтъ въ виду именно этого рода женщинъ располагали указываемыхъ авторовъ и условія ихъ литературной дѣятельности. По характеру послѣдней, эти авторы писали или для сцены, на которой прежде всего требовалось нѣчто забавное, или для читателей, ждавшихъ отъ нихъ чего-либо пикантнаго, и потому должны были держаться въ сферѣ такихъ отношеній и въ кругѣ такихъ лицъ, гдѣ рѣчь о правдивости женщинъ была бы совсѣмъ нестати.

⁶⁾ *Merry*, *Selected fragments of Roman Poetry*, 1891, pag. 251.

въ родѣ слѣдующихъ: «Деньги властвуютъ надъ всѣмъ» ¹⁾; «Каждый дальнѣйшій день хуже предшествующаго» ²⁾).

Между римскими писателями перваго вѣка имперіи наиболѣе рѣшительными и послѣдовательными пессимистами являются сатирики Персій и Ювеналь. Пессимизмъ Персія былъ прямымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ его жизни. Сатирикъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ стоической философіи, въ теченіе всей своей жизни вращался по преимуществу среди лицъ, которыя совсѣмъ не походили на массу тогдашнихъ, приспособлявшихся къ обстоятельствамъ, римлянъ, зналъ жизнь и судилъ о ней главнымъ образомъ по книгамъ, притомъ вышедшимъ по преимуществу изъ-подъ пера стойковъ, не привыкъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ времени, дѣлать отступленія отъ требованій усвоеннаго имъ ученія. Вслѣдствіе этого, какъ человѣкъ прямолинейный и съ этой стороны представлявшій совершенную противоположность такимъ людямъ, какъ напримѣръ Сенека, Персій, при наблюденіи явленій въ жизни, не соотвѣтствовавшихъ созданному имъ идеалу, могъ относиться къ нимъ не иначе какъ только отрицательно, а къ римлянамъ, позволявшимъ себѣ отступленія отъ правилъ морали и, по характеру своихъ основныхъ взглядовъ, не обѣщавшимъ перемѣны въ своемъ поведеніи, съ презрѣніемъ. Въ такихъ его взглядахъ и отношеніяхъ, находившихъ для себя подкрѣпленіе въ его наблюденіяхъ надъ явленіями жизни, не располагавшими къ оптимизму ³⁾), заключались не только задатки, но и основанія пессимистическаго направленія мысли сати-

¹⁾ *Publ. Syri et al. vot. sententiae, ex rec. Iani Gruteri, 1790, pag. 58.*

²⁾ *Ibid., pag. 68.* Мысль о томъ, что съ теченіемъ времени все идетъ хуже, чѣмъ прежде, выразилъ нѣсколько позже Горацийъ въ *Carm. III, 6, 45* въ словахъ: *Damnosa quid non imminuit dies? Aetas parentum, peior avis, tulit nos nequiores, mox daturos progeniem vitiosioreм,* и еще позже Сенека, можетъ быть подъ вліяніемъ Публилія Сира, въ *ep. 108, 26.*

³⁾ Таковы напримѣръ выражаемая имъ въ сатирахъ наблюденія относительно отсутствія настойчивости въ стремленіи къ нравственному усовершенствованію даже среди людей, которымъ идеальныя склонности должны быть наиболѣе свойственны, относительно отсутствія надлежащаго самопознанія и стремленія къ нему въ римскомъ обществѣ и относительно малой распространенности здѣсь взгляда на истинную внутреннюю свободу человѣка въ противоположность внѣшней юридической, а также относительно печальнаго состоянія современной сатирику римской литературы и тогдашнихъ извращенныхъ литературныхъ вкусовъ.

рика, которое действительно и обнаруживается у него. Может быть под влиянием отчасти именно своего мрачного взгляда Персий называл «жалкими» тех нравственно-неможных людей, которых он призывал искать указаний для жизни в философии, познавать причины сущаго, познавать, что мы такое и для чего родимся и т. д. ¹⁾ Тем же основным настроением могли быть вызваны и были, кажется, проникнуты его строки, обращенныя къ римлянамъ, чтившимъ боговъ въ традиціонныхъ формахъ: «О, души, склоненныя къ землѣ и не имѣющія въ себѣ ничего небеснаго! Къ чему вносить наши правы въ храмы боговъ и по этой грѣшной плоти судить о томъ, что составляетъ благо для боговъ» ²⁾? Съ видимою скорбью говоритъ онъ нѣсколько дальше: «Отчего мы не приносимъ въ даръ богамъ того, чего не въ состояніи посвятить имъ на своемъ большомъ жертвенномъ блюдѣ развращенное потомство великаго Мессалы: гармонически соединенныя въ душѣ чувства долга по отношенію къ Богу и людямъ, чистоту сокровенныхъ помысловъ и сердце, проникнутое благородствомъ добродѣтели», прибавляя къ этому: «Дай мнѣ принести это въ храмы, и я одною жертвенною мукою умилостивлю божество» ³⁾. Подъ этими желаніями очевидно скрывается угнетавшая сатирика и недосказанная имъ мысль, что римляне въ преобладающемъ большинствѣ далеки отъ того, чтобы смотрѣть на дѣло одинаково съ авторомъ. Возвысившись самъ, такъ же какъ и Сенека, подъ руководствомъ и по указаніямъ философіи, до мысли о томъ, что культъ божества долженъ быть чуждъ чувственности ⁴⁾, и находя распространенныя въ римскомъ мірѣ представленія по этому предмету не соответствующими его взгляду, Персий повидимому не утѣшалъ себя даже и надеждою, что эти распространенныя среди римлянъ представленія замѣнятся болѣе возвышенными. Вообще однообразіе обычно мрачнаго колорита Персиевыхъ стихотвореній, отсут-

¹⁾ *Pers. Sat.* 3,66 ss.

²⁾ *Sat.* 2, 61 ss.

³⁾ *Sat.* 2, 71 ss.

⁴⁾ Сравни *Sat.* 2, 61—63: *o curvae in terris animae et caelestium inanis! quid iuvat hoc templis nostros inmittere mores et bona dis ex hac scelegata ducere pulpa.* Об употребленіи въ языческой литературѣ понятія „плоть“, выражавшагося въ терминахъ *pulpa* и *σάρξ*, въ смыслѣ близкомъ къ христіанскому, см. комментарий *Jahn, Heinrich* и *Conington-Nettlehip*, къ цитованнымъ стихамъ.

ствіе въ нихъ надлежащаго распредѣленія свѣта и тѣней и общій тонъ набрасываемыхъ картинъ даетъ полное право признать Персіевы сатиры по общему ихъ характеру проникнутыми пессимизмомъ.

Таковъ же характеръ и сатиръ Ювенала, который на основаніи своего знакомства съ римской жизнью сдѣлалъ о ней въ сущности тѣже заключенія, какъ и сравнительно меньше знавшій ее Персій. Ювеналь смотрѣлъ весьма мрачно на римскую жизнь, даже можетъ быть мрачнѣе, чѣмъ его предшественникъ ¹⁾, и такой взглядъ былъ имъ проведенъ послѣдовательно. Общее впечатлѣніе, оставляемое его сатирами, таково, что, по нему, Римъ представляетъ чуть ли не сплошную картину разврата и порока, притомъ выступающаго открыто и являющагося иногда въ особо отвратительныхъ формахъ. «Если ты хочешь быть чѣмъ-нибудь, то рѣшись на то, что должно бы привести тебя на островокъ ссыльныхъ Гіаръ и къ тюрьмѣ. Честность на словахъ превозносится и — зябнетъ. Парками, виллами, драгоценными столами, стариннымъ серебромъ — бываютъ люди обязаны преступленіямъ» ²⁾. Злодѣйства сдѣлались ежедневнымъ явленіемъ, и отъ нихъ не удерживаетъ даже святость праздниковъ. «Нѣтъ такого большого праздника, въ который не произошло бы воровства, вѣроломства, обмановъ, полученія прибыли при помощи злодѣйства, и денегъ добытыхъ мечомъ или ядомъ. Люди хорошіе рѣдки; по числу едва ли будетъ ихъ столько же, сколько воротъ въ Оивахъ или сколько есть устьевъ у богатаго Нила» ³⁾. Нѣтъ ни одного дома, свободнаго отъ преступленій ⁴⁾. Развращеніе достигло крайняго предѣла, и «будущему поколѣнію нѣчего будетъ прибавить къ испорченности нашихъ нравовъ» ⁵⁾. Факты даже противоположнаго разврата не вызываютъ въ людяхъ ни ужаса, ни омерзения, и отдѣльные лица говорятъ о нихъ съ равноду-

¹⁾ Сравн. *Schlüter*, De satirae Persianae natura et indole, 1886, pag. 11: Persius, cum vitia iam praevalida in dies increbrescere videret, spem melioris rerum conditionis, id quod Iuvenalis fecit, non abiecit. Philosophiae solatia, medicinam doloris, requirens verae ac solidae virtutis imaginem hominibus quam intueantur proponit.

²⁾ *Iuven.* Sat. 1, 73 — 76 съ комментаріями, которые дали *Prateus*, *Friedländer*, *Pearson-Strong* и *Адолфъ*.

³⁾ Sat. 13, 23—27.

⁴⁾ Sat. 13, 159—160.

⁵⁾ Sat. 1, 147 — 148.

шіемъ, которое даетъ основаніе полагать, что такіе случаи со временемъ могутъ сдѣлаться обычнымъ и зауряднымъ явленіемъ ¹⁾). Жить въ Римѣ честному человѣку стало невозможно. «Что мнѣ дѣлать въ Римѣ», говоритъ у Ювенала одинъ изъ такихъ людей. «Лгать я не умѣю; если книга плоха, то хвалить ее и просить для себя не могу; движеній звѣздъ не знаю ²⁾); похороны отца обѣщать ждущему наслѣдства сыну и не хочу и не могу; вору сообщниксмъ не буду, и потому ухожу» ³⁾). Женщипъ, сохранившихъ сознаніе долга и чувство стыда, въ Римѣ нѣтъ. «Простершись ницъ, облобызай порогъ Тарпейскаго храма и принеси въ жертву Юнонѣ телицу съ позолоченными рогами, если тебѣ случилось быть мужемъ цѣломудренной жены» ⁴⁾), и т. д. Римляне устремились въ погоню за богатствами, думая только о нихъ и принося въ жертву своей страсти къ корысти даже жизнь. Упомянувъ о томъ, какъ его другъ Катуллъ отказался, — правда, по необходимости, — отъ драгоценностей ради спасенія своей жизни, Ювеналь говоритъ: «Кто другой на свѣтѣ рѣшится въ нынѣшнее время предпочесть свою голову серебру и свое спасеніе — имуществу» ⁵⁾? Сами отцы внушаютъ дѣтямъ, чтобы у нихъ постоянно было на устахъ «достойное боговъ и Юпитера изреченіе: откуда ты взялъ, не спросить никто, но имѣть тебѣ нужно» ⁶⁾). Вообще Римъ впалъ въ страшное развращеніе, которое является слѣдствіемъ стекшагося сюда со всего міра богатства и порожденной имъ праздности, и служить какъ бы карою за побѣду Рима надъ міромъ ⁷⁾). Народъ развращенный нравственно, утратилъ и политическій смыслъ. «Толпа Ремова, какъ всегда, идетъ за счастливыми и не терпитъ павшихъ. Тотъ же народъ, если бы богиня Норція оказалась благоклонною къ туску Сеяну и если бы ничего не подозрѣвавшій старикъ — правитель былъ устраненъ, въ этотъ же самый часъ назвалъ бы Сеяна Августомъ. Уже давно, съ той поры, какъ мы никому не продаемъ своихъ голосовъ, онъ оставилъ

¹⁾ Sat. 2, 132 ss.

²⁾ п — подразумевается — обманывать людей при помощи звѣздочетства не въ состояніи.

³⁾ Sat. 3, 41—47.

⁴⁾ Sat. 6, 47 ss.

⁵⁾ Sat. 12, 48—49.

⁶⁾ Sat. 14, 205—207; срав. слѣд. стихи.

⁷⁾ Sat. 6, 293 и около.

всѣ заботы: тотъ, кто прежде давалъ власть и ея символы, легионы и вообще все, теперь сидитъ себѣ и боязливо желаетъ лишь двухъ вещей: хлѣба и зрѣлищъ» ¹⁾).

Свои мысли о нравственномъ состояніи Рима въ его время Ювеналъ обобщилъ въ представленіи о періодахъ въ жизни людей. Это представленіе сравнительно довольно обстоятельно раскрылъ Ювеналъ въ прологѣ къ шестой сатирѣ, гдѣ между прочимъ говорилъ: «полагаю, что Стыдливость пребывала на землѣ и что ее долго видѣли лишь при царѣ Сатурнѣ, когда у человѣка было еще небольшое жилище, представляемое холодной пещерой, и когда подъ однимъ общимъ кровомъ находились и очагъ, и ларь, и скоть, и хозяева.. На новой землѣ и подъ новымъ небомъ люди жили тогда иначе; происшедши изъ расщелинъ дуба или будучи образованы изъ глины, они не знали родителей ²⁾. Можетъ быть много или хотя нѣсколько слѣдовъ старинной стыдливости осталось и при Юпитерѣ, но только тогда, когда онъ былъ еще безбородымъ и греки еще не привыкли клясться чужой головой, — когда никто не опасался покражи овощей и плодовъ и люди жили не огороженная сада. Затѣмъ Астрея мало-по-малу стала удаляться, пока совсѣмъ не удалась, къ всевышнимъ богамъ, а съ нею и Стыдливость; обѣ сестры ушли одновременно. Вскорѣ потомъ всѣ другія преступленія принесъ желѣзный вѣкъ» ³⁾. Этотъ постепенно увеличивавшійся нравственный упадокъ людей, первая причина котораго заключалась въ оставленіи людьми первобытнаго простого образа жизни, являлся также, по представленію поэта, признакомъ отклоненія людей отъ требованій, вложенныхъ въ нихъ природою или Создателемъ. «Природа даетъ человѣку мягкое сердце.. Общій Зиждитель міра даровалъ животнымъ только душу, намъ же далъ еще и духъ, чтобы взаимное расположеніе побуждало насъ просить помощи для себя и оказывать ее другимъ, раздѣлившись собирать въ одинъ народъ, переселяться изъ старой роци и покидать лѣса, въ которыхъ жили предки, строить дома, соединять кровь другого съ своимъ жильемъ, чтобы взаимное довѣріе давало возможность безопасно спать благодаря сосѣднему жилищу, —

¹⁾ Sat. 10, 72—81.

²⁾ которые—какъ подразумѣвается — могли бы развращать ихъ, подобно современнымъ сатирику родителямъ.

³⁾ Sat. 6, 1 ss ; cf. 13. 38 ss.

защищать оружіем согражданина, когда онъ упалъ или ослабѣлъ отъ ранъ, общей трубой подавать военные сигналы, находить защиту въ однѣхъ и тѣхъ же башняхъ и запираить ворота городскія общимъ ключемъ. А между тѣмъ теперь даже у змѣй больше согласія» ¹⁾. «Теперь идетъ девятый вѣкъ, который хуже даже желѣзныхъ временъ и для котораго сама природа не нашла названія, не имѣя соотвѣтствующаго его преступленіямъ металла» ²⁾.

Подъ вліяніемъ всего видѣннаго въ тогдашней жизни настроенный крайне мрачно, сатирикъ иногда какъ будто совсѣмъ упускалъ изъ виду, что римская жизнь представляла не однѣ тѣневые стороны ³⁾, и, останавливаясь своею мыслию почти исключительно на этихъ сторонахъ, дѣлалъ чрезъ то неизбѣжную односторонность въ оцѣнкѣ общей совокупности явленій римской дѣйствительности, и именно въ указанномъ смыслѣ.

Всѣ эти и иныя проявленія пессимистическаго направленія римской мысли, возникшаго на почвѣ тревогъ и неурядицъ государственной и общественной жизни въ республиканскій періодъ Рима и усилившагося подъ вліяніемъ условій историческаго существованія римскаго государства въ послѣдующее время, врядъ ли получили бы такіе широкіе размѣры, если бы не существовало одного особо благопріятнаго условія для его развитія. Это условіе заключалось въ распространенныхъ среди римлянъ взглядахъ эпикуреизма и стоицизма, такъ какъ несомнѣнно, что ни Эпикурова философія съ ея основнымъ положеніемъ о безучастномъ отношеніи божествъ къ жизни людей и о слѣпо дѣйствующихъ въ мірѣ физическихъ силахъ, ни стоицизмъ, не знавшій личнаго благаго Бога, стремившійся утвердить человѣка въ безстрастномъ служеніи добродѣтели и, въ виду ея отношенія къ жизни и смерти, не безъ основанія называемый философіею отчаянія ⁴⁾, не могли питать въ римскомъ народѣ оптимистическихъ стремленій и свѣтлыхъ надеждъ.

А. Садовъ.

¹⁾ Sat. 15, 131 ss.

²⁾ Sat. 13, 28—30.

³⁾ См. примѣч. А. Адольфа къ шестой сатирѣ Ювенала, въ началѣ.

⁴⁾ *М. Корелинъ*, Паденіе античнаго міросозерцанія, 1895, стр. 65—66, 81—82. Срав. *И. Певзоровъ*, Мораль стоицизма, 1892, стр. 83—84, 106—107, 134—136.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки